

Когда поцелуй прервался, дыхание обоих, сближенное до предела, стало неровным. Золотистые глаза встретились с медленно распахнувшимися зелёными, в которых ещё стояла влажная поволока, и, заметив в них пустоту, улыбнулись. Он прижал к себе покрасневшегося до самых ушей человека и спросил:

— Ты в порядке?

— Подожди... — Стивен уткнулся лицом в изгиб его шеи, успокаивая бешеный стук сердца и сбившееся дыхание.

В голове медленно прояснялось, горло судорожно сглотнуло, но слабость в руках и ногах была вызвана не только его собственным возбуждением — но и тем, кто держал его в объятиях.

Этот поцелуй, такой властный, будто сдирал с него мягкую оболочку, — хотя на самом деле даже в нём было полно нежности, от которой кружилась голова.

Неудивительно, что за этим человеком многие готовы были следовать.

Поцелуй обжёг сердце приятным жаром. Было лишь одно «но»: он мог заставить Стивена задыхаться и слабеть, но сам Стивен, похоже, не мог произвести на Брэнда такого же эффекта.

Обиды не было, но...

— Ты же говорил, что у тебя нет опыта? — Стивен наконец выровнял дыхание, оставив в груди лишь тёплую струю, и, приподнявшись, посмотрел на сидящего напротив.

Желающий чуть ослабил объятие, глядя на вопрошающий взгляд юноши, и усмехнулся:

— Зато я много читал.

— Я тоже читал немало. — Стивен не собирался уступать в этом.

— Значит, теория быстрее перешла в практику? — задумчиво произнёс Желающий.

Возможно, он просто был хладнокровнее и мог наблюдать за реакцией юноши, применяя на деле то, с чем сталкивался в книгах. Ему было важнее увидеть на лице Стивена красивое, довольное выражение, чем наслаждаться самому.

— Хм... — Стивен чуть прищурился, в глазах его мелькнул лукавый огонёк. — Значит, мне есть к чему стремиться.

— Удачи. — Желаящий легко коснулся ладонью его макушки и улыбнулся.

Стивен рассмеялся, мягко опёрся на руки и поцеловал его в губы — в те самые, что всегда хранили улыбку.

— Я постараюсь. — Сердце пылало, как в огне. Этот человек ему определённо нравился до безумия.

Он поставил себе цель: довести этого человека до такого же исступления.

— Твой меч меня тыкает. — Желаящий опустил взгляд и напомнил.

Стивен тоже посмотрел вниз, снял с пояса клинок и усмехнулся:

— Эта штука вечно не слушается. Ты живёшь один и не носишь меча — разве это не опасно?

— Ничего страшного, при мне есть кинжал, но обычно он не нужен. — Желаящий задумчиво улыбнулся. — Ты не собираешься докупать вещи для дома? Может, зимние запасы будешь заказывать вместе с моей лавкой?

— А что у тебя есть? — спросил Стивен.

— Яйца, дрова и молоко. — ответил Желаящий.

Стивен чуть склонил голову набок, приподнял бровь:

— И сколько за доставку?

Всё это он мог купить и сам, просто прогулявшись по городу.

— Десять медяков за раз. — задумчиво ответил Желаящий.

— О? Тогда я сам буду тебе доставлять. — Стивен усмехнулся, глядя на него. — Всё равно мне сейчас заняться нечем.

Желаящий на миг опешил, взглянул на вечно непоседливого юношу и улыбнулся:

— Ты ведь приехал с товаром, разве нет?

— Кое-что я привёз из Истальда, но не спешу с продажей. — ответил Стивен.

Он впервые оказался в этом городе. Он знал, что зимой морское сообщение между Истальдом и Логом прерывается, но плохо представлял себе здешний рынок. Торопиться с закупками было бы неразумно: можно было привезти товар, потерпеть убытки и остаться внакладе.

— Тогда помоги мне управлять булочной. — Желающий поднялся с улыбкой. — Ты работаешь на меня, а я кормлю тебя три раза в день. Как тебе?

— Мм? — Стивен протянул руку, и, когда тот помог ему встать, спросил: — Значит, я не буду развозить товары?

— Барри развозит их уже год. Если вдруг прекратить, он, наверное, сильно забеспокоится. — Желающий поднял его, но не отпустил руки — повёл за собой к выходу, мягко улыбаясь. — Если тебе станет скучно, то закупку всего остального для лавки я оставлю на тебя.

Он шёл впереди, говорил спокойно и ласково, но Стивен смотрел лишь на их переплетённые пальцы. Сквозь ладонь шло тепло, уверенное и живое. На его руке тоже были мозоли, но не там, где у самого Стивена, — скорее от долгого держания пера.

— Ну как? — Желающий обернулся, заметив, что юноша долго молчит, и встретил его внезапно поднявшийся взгляд.

— Договорились. — Стивен опомнился и чуть отвернулся.

— Ты хоть слышал, на что соглашаешься? — Желающий сжал его длинные гибкие пальцы и усмехнулся.

— Слышал. — Стивен шагнул к нему, оказавшись рядом. — Если что — зови меня, я бесплатно.

— Спасибо. — Желающий повёл его вниз по лестнице и только у самой двери передал ему ключ, разжав ладонь.

— А это вообще может защитить? — Стивен посмотрел на маленький ключ, который можно согнуть двумя пальцами.

— На всех торговых уличных дверях — доски толщиной в десять сантиметров, а засовы из металла, толщиной в два пальца. Даже твой меч их не разрубит. — Желающий запер дверь и направился к своей лавке, поясняя: — Но если бить влом — конечно, их можно высадить.

— Звучит надёжно. — Стивен повесил ключ на пояс и вошёл следом.

Желающий отпустил Бонни, и Стивен проводил взглядом её спину, когда та, зевая, вышла через чёрный ход из кухни.

— Чем она занимается? — спросил он.

— Печёт хлеб. — Желающий проверил температуру медной печурки, подбросил углей и налил из стоявшего рядом чайника горячей воды, протягивая кружку. — Осторожно, горячо.

— М-м. — Стивен взял её, ощутил плотное тепло, хотя сама кружка была толстой. Здесь, за витриной, вдвоём было тесновато, но устроено всё было очень уютно.

Спереди стоял прилавок с хлебом, у стены — плетёное кресло, укрытое пледом, рядом — изящная медная печка. Хотя витрина была открыта и с улицы тянуло холодом, у печки было совсем не зябко.

Этот парень явно умел наслаждаться жизнью и не любил повторяющихся однообразных дел.

Стивен не заметил, когда начал это понимать, — просто теперь знал это наверняка.

— Присмотри за лавкой, я пойду готовить обед. — Желающий тоже отпил тёплой воды и уступил ему место. — Что бы ты хотел на обед?

— М-м... только не хлеб. — Стивен вынужден был признать, что стал разборчивым в еде.

Всё что угодно, только не тот утренний хлеб.

— Хорошо. — Желающий приоткрыл дверцу витрины и улыбнулся.

— Кстати, сколько стоит хлеб здесь? — спросил Стивен.

— По одному медяку. — Желающий обернулся. — Кладите монеты в ту посуду на прилавке, руками не трогайте — испачкаете хлеб.

Стивен взглянул на него, кивнул, и когда тот скрылся из виду, его взгляд упал на кресло, которое он когда-то не сумел покорить. Обведя глазами высокий табурет у прилавка, он всё-таки взял плед и уселся в чуть покачивающееся кресло.

На самом деле, если держаться ровно, оно почти не качалось. Но если откинуться на спинку, укрыть ноги пледом, а рядом поставить тёплую печку — становилось до того уютно, что сил не было встать.

Стивен слегка качнулся, но теперь он уже не пытался себя мучить, как раньше. Когда-то в нём жило слишком много тревог, но за десять лет странствий он понял, что большинство проблем можно решить без труда, и те тревоги мало-помалу ушли.

Кресло покачивалось, снаружи пробивался снежный свет — ни тени мрака. Прохожие спешили по делам, а здесь было тихо. Стивен покосился на книгу, лежавшую рядом, и, заинтересовавшись, наклонился взглянуть на заглавие.

На обложке значилось: «Приключения маленького котёнка».

Стивен помолчал, взял книгу и открыл на заложенной странице.

Содержание оказалось совершенно детским — история про кота по имени Мими, который боролся со злым полевым мышью. Стивен пролистал несколько страниц, заметил, что почерк не похож на брэндов, и перевернул книгу. В конце стояло имя Фубинна.

Прохожие за витриной, глядя на такого изящного хозяина, читающего книгу, и представить себе не могли, что это за история.

Стивен заложил страницу и перевернул на первую. Даже в детстве он не поверил бы, что коты разговаривают и ловят мышей, но сейчас он сам не заметил, как перелистнул на следующую страницу, а потом ещё на одну.

— Здравствуйте! — раздался голос из-за витрины.

Стивен поднял глаза. За стеклом никого не было. Он отложил книгу, приподнял плед и тут же ощутил, как холод пробирает тело — слишком уж уютно было сидеть, и теперь не хотелось вставать.

Он всё же поднялся, подошёл к витрине и, высунувшись, увидел стоявшего снаружи ребёнка — того почти полностью скрывала стойка.

— Мистер Брэнд... — ребёнок поднял голову, но, увидев незнакомое лицо, широко распахнул глаза: — А вы кто?

— Я друг хозяина этой лавки. — Стивен облокотился на прилавок, стараясь говорить как можно мягче, чтобы не испортить репутацию булочной Брэнда. — Малыш, ты за хлебом? Сколько тебе?

Ребёнок заколебался, съёжился и, протянув руку, положил медяк в подставленную чашку, пролепетав:

— Две буханки.

Стивен посмотрел на одну-единственную монету, потом на почти босого, худого ребёнка:

— За один медяк можно взять только одну буханку.

Он явно не привык к такой торговле.

— Но сейчас уже день, — неуверенно сказал ребёнок.

— Что? — переспросил Стивен, глядя на его готовое расплакаться лицо.

— Днём за один медяк дают две буханки, — тихо, но твёрдо произнёс мальчик. — Так сказал сам мистер Брэнд.

Стивен был уверен, что он врёт, но и не совсем. Он выпрямился:

— Подожди, я спрошу у Брэнда.

— Э... — мальчик поднял на него глаза, сжал губы, но ничего не сказал, только в глазах у него застыла тревога.

Стивен посмотрел на него, вздохнул, взял с витрины две буханки и протянул:

— Одну ты купил, вторую я дарю.

Позже он сам положит недостающую монету.

Ребёнок обрадовался было, но, услышав последние слова, замялся:

— Но ведь...

Стивен заметил его колебания:

— У тебя ещё вопросы?

Он был хорош собой, но взгляд у него был тяжёлым, да и росту он был высокого — ребёнок невольно попятился. Они застыли в неловкой тишине, но тут раздался звук открываемой изнутри двери, и почти одновременно раздался ласковый голос:

— На обед будет рис, хорошо?

Стивен обернулся — и увидел человека в фартуке, уже стоящего рядом. Тот скользнул взглядом по ребёнку и спросил:

— Что-то случилось?

— Он хочет за один медяк две буханки, говорит, это твоё правило. — Стивен выпрямился.

Желающий перевёл взгляд на ребёнка, заметил его тревожное лицо и мягко сказал:

— Альджер, две буханки за медяк — это вечером. В прошлый раз я уже сделал для тебя исключение. Передай отцу: так не пойдёт. Если он будет тебя бить или ругать — иди в патруль или ко мне, хорошо?

Голос его был спокоен, но отказ был ясен. Мальчик сжал губы, теребя одежду:

— Тогда можно я пока не буду покупать?

— Конечно. — Желающий взял с кресла монету и протянул её ему. — Иди домой.

— Хорошо. — Ребёнок взял медяк, крепко сжал его в кулаке и побежал по улице.

— Если он так вернётся, его, может, и не побьют, но поругают точно, — сказал Стивен, глядя вслед маленькой фигурке.

От мальчика пахло вином. Стивен слишком хорошо знал, на что способны вечно пьяные типы.

— Но если уступить, его отец начнёт требовать больше, — ответил Желающий, глядя на две буханки, которые Стивен положил на прилавок. — Может дойти до того, что он станет посылать ребёнка за двумя буханками по цене одной, да ещё и просить добавить третью «из жалости».

— Звучит неприятно. — Стивен легко представил себе эту картину. Неудивительно, что мальчик так колебался. И для таких случаев нет хорошего решения.

Если отправить отца в тюрьму, ребёнок останется без присмотра, тюрьмы быстро переполнятся, да и другие могут взбунтоваться.

— Может, мне просто заехать ему в морду? — Стивен задумался и вдруг усмехнулся.

— Тогда тебя оштрафуют. — Желающий взглянул на него — тот явно уже горел желанием действовать.

Стивен опешил и обернулся:

— Кто это придумал?

Штраф — это уже совсем не шутки.

Желающий с лёгкой досадой ответил:

— Я.

Стивен: «...»

— Неприятности — лучший способ предотвратить насилие. — Желающий заметил его смятение. — Так что насчёт риса на обед?

— Это сложно готовить? — Стивен никогда не слышал о таком блюде.

— Нет, просто сварить на пару. — улыбнулся Желающий.

Просто времени требуется много, а в эту эпоху люди предпочитали экономить дрова и ели готовый хлеб или пищу, которую можно быстро приготовить. Рис почти никогда не появлялся на столе.

— Хорошо. — Стивен проводил его взглядом, когда тот направился к выходу, и чуть слышно постучал пальцами по рукояти меча, но тут до него донесся голос уходящего:

— Патруль объезжает город раз в час.

Голос стих за спиной, но Стивен улыбнулся, обернулся к витрине — снег пошёл сильнее, прохожие прибавили шаг.

Обед у Желавшего вышел превосходным. Никогда прежде не пробованный рис оказался невероятно сытным, с густым, сладковатым привкусом, а в довершение — тушёное мясо с насыщенным соусом. Стивен весь день просидел на высоком табурете за витриной и всё вспоминал этот вкус.

После полудня из-за снегопада покупателей почти не было. Но к вечеру, когда уже стемнело, у лавки собралась толпа ребятишек — они выкладывали медяки и разбирали оставшийся к

вечеру хлеб.

— Мистер Брэнд, есть ещё хлеб?

— Мистер Брэнд, мне четыре буханки!

— Нельзя, каждый может купить только две. — мягко отказал хозяин.

— Ладно... — мальчик с сожалением опустил монету в чашку.

Среди них были и высокие, и низкие, одетые чисто и оборванные. Те, кто повыше, могли сами положить монету, а для маленьких продавец опускал чашку пониже, чтобы и они дотянулись.

Они жадными взглядами тянулись к прилавку, а затем осторожно, прижимая к груди купленный хлеб, расходились. Некоторые тут же передавали его взрослым, но большинство детей улыбались и звонко благодарили стоявшего за витриной мягкого человека.

— Мистер Брэнд! Вы здесь? — раздался звонкий мальчишеский голос с заднего двора, когда прилавок почти опустел.

Желающий обернулся, отворил дверь и улыбнулся:

— Здесь. Добрый вечер, Барри.

Стивен проводил его взглядом — в дверях стоял раскрасневшийся, сияющий мальчишка, державший под уздцы лошадь.

— Добрый вечер, мистер Брэнд! Я привёз дрова, молоко и яйца, как вы заказывали. — Он говорил бойко, одновременно накидывая на плечи плотный плащ и привязывая лошадь, затем откинул солому с дров. — Это свеженарубленные.

— А старые запасы уже кончились? — спросил Желающий.

— Нет, но те дрова уже сыроваты. Я хочу дать мистеру Брэнду только лучшее — эти почти не дымят. — Парень сиял.

— Спасибо, но это не обязательно. — Желающий шагнул к нему, но не успел — юноша, который только что сидел у витрины, опередил его, легко подхватил две связки дров одной рукой: — Я сам.

Рыжие волосы ярко горели в сумерках. Барри на мгновение растерялся, провожая его

взглядом. А потом увидел, как красивый юноша, даже не запыхавшись, вернулся и подхватил две корзины с яйцами, которые Барри пришлось бы тащить вдвоём. Тот заметил его ошарашенность, мельком взглянул на него зелёными глазами и шагнул внутрь.

В метели он казался снежным духом, и даже снежинки ластились к его волосам.

Барри очнулся, когда мистер Брэнд уже начал переносить вещи, и поспешил перетащить оставшиеся дрова. Когда он хотел взяться за большой бидон с молоком, тот уже стоял внутри, а рыжеволосый хлопнул в ладоши, вернулся к витрине и, казалось, ничуть не устал — лишь выглядел расслабленным и довольным.

— Мистер Брэнд, это ваш друг? — спросил Барри, убрав всё и получив плату.

— Да, — кивнул тот.

— Он невероятно сильный, — не сдержал восхищения парень.

— Ему понравится такой комплимент. — Желающий, видя, что мальчик прячет кошелек и поправляет солому, предупредил: — Возвращайся поскорее. В такую метель лучше не заходить в лес.

— Ладно. — Барри уселся в повозку, щёлкнул кнутом: — Завтра снова привезу молоко. Вы тоже идите в дом.

— Хорошо. — Желающий запер дверь, повернулся и, проходя к витрине, увидел прислонившегося к стене юношу, который с интересом его разглядывал. — Что такое?

— Просто думаю, что вы, мистер Брэнд, очень хороший человек. — Стивен, подперев щеку рукой, улыбнулся.

Словно божество — нежный и ослепительный. И к детям, и к этому парню он был так ласков, что тянуло подойти поближе.

В его взгляде читалась искренность. Желающий подошёл к юноше, стоявшему на фоне метели, и, чуть коснувшись его носа, усмехнулся:

— Ты уже говорил мне это раньше.

Стивен на миг опешил, потер кончик носа и, взглянув на него, улыбнулся:

— Хочу тебя поцеловать.

Не то чтобы это желание пришло внезапно — оно было с ним всё время, стоило ему взглянуть на этого человека.

Снег за витриной не мог нарушить тепло внутри. Желающий заметил в его глазах живое чувство, протянул руку, взял его за подбородок и наклонился.

От внезапной близости сердце Стивена забилось быстрее. Пальцы стиснули рукоять меча, он мельком взглянул на почти чёрную от сумерек улицу. Снаружи её было не разглядеть, но вот с улицы они были видны как на ладони — и от этого он ещё сильнее нервничал, хотя в глубине души ждал этого поцелуя.

Дыхание приблизилось, и Стивен опустил ресницы, но тут услышал тихий смех почти у самых губ:

— Потерпи. Когда торговля закончится — поцелую.

Стивен резко поднял глаза и успел заметить насмешку, скользнувшую в золотистых зрачках.

Он прикусил губу и с расстановкой поставил ногу на ботинок Желającego:

— Хорошо.

И он ещё считал этого типа хорошим!

— Я ошибся. — Желający почувствовал боль и, поняв, что задел его за живое, виновато улынулся. — Хотя меня не смущает, если нас увидят, но потом будут проблемы.

По крайней мере, спокойная жизнь на этом закончится.

— Тьфу... — Стивен фыркнул и убрал ногу, почти не прилагая усилий. Он смотрел в снежную ночь, но краем глаза следил за Желającym, который проверял остатки хлеба. — Не всё продал?

Впрочем, не обязательно было целоваться. Даже просто быть рядом и разговаривать с ним было приятно.

— Сегодня снег, темнеет рано. — Желający посмотрел на три оставшиеся буханки и поморщился. — Просчёт.

Стивен подпер щеку рукой:

— Что будешь делать с остатками?

— Придётся оставить до завтра. — Желающий достал лоток и хотел поставить его на холодный подоконник, но тут услышал шаркающие шаги по снегу и дрожащий голос:

— Мистер Брэнд, у вас ещё есть хлеб?

Голос доносился снизу, из-за прилавка. Желающий нагнулся — перед ним стоял почти босой, дрожащий ребёнок, подняв голову, с мольбой в глазах.

— Ты один пришёл? — мягко спросил Желающий, присаживаясь.

Альджер весь дрожал:

— Мистер Брэнд, есть хлеб? По два за медяк?

— Есть.

— Нет.

Два голоса прозвучали почти одновременно. «Есть» сказал Желающий, «нет» — Стивен, уже поднявшийся с места. Они переглянулись. Стивен наклонился к дрожащему мальчику:

— Можешь смело идти домой. Я обещаю: он тебя пальцем не тронет. Ни ругать, ни бить не будет.

В глазах ребёнка мелькнула надежда:

— Правда?

— Правда. — Стивен смотрел на него.

Ребёнок заколебался, будто собираясь повернуться, но тут раздался другой голос из-за витрины — знакомый и тёплый:

— Альджер, хочешь войти и погреться?

Альджер поднял глаза на ласкового хозяина:

— Можно?

— Конечно. — Желающий протянул руку. Когда мальчик робко коснулся её, он поднял его с улицы и поставил внутрь.

От резкого тепла ребёнок вздрогнул. Оказавшись у печки, он почти замер от удивления.

— Если позволять такое обращение, его лишат родительских прав, — тихо сказал Желающий, погладив мальчика по голове, и взглянул на юношу рядом.

— А что станет с этим ребёнком? — Стивен чуть нахмурился.

В этом городе было слишком много детей, слишком много обездоленных. Каждый родитель сам отвечает за своего, но их небрежение заставляло беспокоиться других.

— Его отправят в приют. — тихо сказал Желающий.

— Слишком легко для него. — В глазах Стивена мелькнуло недовольство. В детстве, когда не на кого опереться, — самое беспомощное время. А такие типы только и способны издеваться над слабыми, над теми, кто слабее их. А потом — заставлять добрых людей страдать из-за этого.

— Он посидит в тюрьме некоторое время. — Желающий успокаивал его и протянул было убранный буханку согревшемуся ребёнку: — Держи, поешь.

Альджер взглянул на хлеб, немного расслабился, но покачал головой:

— Мне нельзя.

— Не бойся, это даром. — мягко сказал Желающий. — Только никому не говори.

Глаза мальчика загорелись, он взял хлеб и принялся жевать, хотя тот был грубым и невкусным — он ел его, словно лакомство.

Стивен смотрел на него, прикрыл глаза и, опершись на меч, спросил:

— Назови адрес.

— Иди по этой улице до конца, направо до упора, третий дом слева. — сказал Желающий, глядя ему вслед.

Стивен, услышав такой чёткий ответ, взглянул на него, опёрся рукой о стену у витрины:

— Я быстро.

С этими словами он легко перепрыгнул через прилавок, мягко приземлился в снег и натянул капюшон. Ребёнок, евший хлеб, изумлённо раскрыл рот.

— Это выглядит круто, но так делать нельзя. — Желающий заметил его восхищение, протянул стакан с тёплой водой: — Попей.

Альджер осторожно принял кружку, сделал глоток и съел весь хлеб. Потом вздохнул и с тоской посмотрел на снегопад:

— Мистер Брэнд, мне пора домой.

— Альджер, ты хочешь в приют или домой? — не стал его удерживать Желающий, присел на корточки и спросил.

Потому что для ребёнка — даже незнакомое место, где сытно и тепло, — может быть страшнее, чем остаться рядом с родным по крови. Дети от природы доверяют родителям, и чужим не отнять у них права выбора.

— Приют? — переспросил мальчик.

— Там много детей, каждый день сытно и тепло. — Желающий заметил, как загорелись его глаза. — Но ты больше не увидишь отца и не вернёшься домой.

Эту связь нужно было разорвать навсегда, иначе найдутся те, кто нарочно будет делать детей несчастными, чтобы приют взял на себя их воспитание.

Ребёнок на миг задрожал, сжал губы, кулаки, нервничал, но в конце концов опустил ресницы и едва слышно сказал:

— Я не хочу домой...

— Тогда поедem в приют. — Желающий погладил его по голове, взял за руку: — Пойдём со мной.

Ребёнок ухватился за тёплые пальцы и пошёл следом.

Когда Стивен вернулся, ночь уже сгустилась, но над витриной, где хлеб давно был распродан, горел яркий свет. Его было видно издалека.

Когда он подошёл, сидевший внутри поднял голову, и от него повеяло таким теплом, что, казалось, оно могло разогнать всю ночную стужу.

— Он искупался и уснул. — Желающий улыбнулся, прочитав вопрос в его глазах. — А у тебя как?

— Он был пьян в стельку, разбудить не получилось. — Стивен вспомнил ту грязную, тесную каморку и нахмурился.

Дом был не старый, даже не продувался, но внутри громоздились груды бутылок, воздух был пропитан винным перегаром и каким-то зловонием — хуже, чем в самых грязных тавернах Тансона.

— И что дальше? — Желающий видел по его лицу, что он не ушёл недовольным.

— А дальше я ручаюсь, что он в ближайшее время будет молить Господа о прощении. — юноша за прилавком усмехнулся.

Раз уж он пришёл — одним тумаком дело не ограничилось.

Желающий, глядя на его довольное лицо, усмехнулся:

— Заходи.

Но юноша задержался:

— Тебе неинтересно, что я сделал?

— Интересно. — кивнул Желающий.

— Так почему не спрашиваешь? — Стивен приподнял бровь. Это в нём и раздражало — он должен был удивляться, а оставался невозмутимым.

— Я чувствую запах куриной крови. — Желающий заметил его руку, спрятанную за спиной, и усмехнулся.

Стивен прищурился, опёрся на витрину и посмотрел на него:

— Я прямо начинаю подозревать, что ты — кот.

— Хорошо, я кот. — Желающий коснулся пряди его волос. — Поздравляю, ты наконец узнал правду.

Стивену ответ не показался удовлетворительным — что толку, если он всё равно ничего не мог с этим поделать? Да и этот тип сплошь врал.

— Спасибо.

— Пожалуйста. — Желающий заметил его укоризненный взгляд и улыбнулся: — Мне помочь тебе разделать эту курицу? Запечённая, она тоже очень вкусная.

При этих словах юноша, только что бросавший укеры, мгновенно просиял и протянул мешок:

— Тогда полагаюсь на тебя!

— Заходи, на улице холодно. — Желающий принял мешок, и, когда юноша отошёл от витрины, прикрыл ставни и запер их.

Запечь курицу было несложно, главное — сохранить сок, чтобы мясо не стало сухим. Желающий знал это как никто.

Пока он ощипывал тушку — птицу с перерезанным горлом — рядом собралось две кошки и один заинтересованный юноша. Но в целом всё шло гладко.

Запах жареной курицы разносился по всему дому, и даже юноша, игравший с перьями, отвлёкся от своего увлекательного занятия. Все трое уставились на поднос в руках Желającego.

Правда, двоим из них ничего не досталось. Мими из-за старости — даже пробовать нельзя, а Тонгу — потому что единственная кошка в доме не должна оставлять подозрительных следов.

Вся курица целиком досталась Стивену. Мясо, пропитанное соком, было таким сочным, что юноша наслаждался каждым кусочком — особенно под пристальными кошачьими взглядами.

— Мяу... — Мими, сидевшая на коленях у Желającego, возмущённо мяукнула.

— Ладно, завтра сварю тебе курицу. — Желающий погладил её, но это почти не помогло.

Кошечка, обычно такая ласковая, прыгнула с колен и полезла к человеку, который только что дразнил её пером.

— Мяу... — жалобно и тоненько протянула она.

Стивен опустил взгляд, хрустнул косточкой и предложил кошке:

— Если дашь мне одну золотую монету, я дам тебе попробовать. Как?

Мими, разумеется, не поняла, а вот Тонг чуть не споткнулся: «Красавчик просит у кошки монету?!»

«Наверное, он зачитался “Приключениями маленького котёнка”». — Желающий поднял голову, взглянул на юношу, тихо беседующего с кошкой, и улыбнулся: — Я тоже хочу попробовать.

Стивен обернулся, на мгновение задумался, оторвал кусочек крылышка и протянул:

— На.

Желающий надкусил, и одновременно услышал насмешливое:

— Вкусно?

Желающий прожевал, кивнул:

— Вкусно.

— За каждый кусочек — поцелуй. — Стивен насмешливо приподнял бровь.

Бесплатно — никак.

— Тогда я съем всю курицу целиком. — Желающий взял кружку.

Сердце Стивена пропустило удар, жар разлился по лицу, а тот, кто его поддразнил, оставался совершенно спокоен, отчего становилось одновременно и щекотно, и досадно.

— Давай ляжем спать. — после долгого раздумья вдруг сказал Стивен.

Желающий поперхнулся, закашлялся, взглянул на серьёзного и в тот же миг озорно усмехнувшегося юношу и вздохнул:

— Ешь, пока не остыло.

Стивен, заметив его реакцию, слегка приподнял бровь: понял, что в ближайшее время тот с ним точно не ляжет. Кошки — они ведь не стесняются: прижимают, кусают, зацепляют когтями, чтобы не убежал.

А Брэнд явно был другим — более сдержанным, похожим на тех восточных людей, о которых Стивен когда-то слышал: они выражали чувства письмами... хотя и не совсем так.

— Если ты встретишь того, кто тебе понравится, — напишешь ему письмо? — спросил Стивен, одной рукой зажав рвущуюся кошку между колен.

Желающий вытер губы, взглянул на слегка взволнованного юношу и улыбнулся:

— Напишу.

У Стивена дрогнуло сердце, уголки губ поползли вверх, и он снова принялся за курицу.

Напишет... и что же тот напишет?

...

Ночь была тихой. Лог спал под снежным покровом. Город просыпался под стук колёс и шаги прохожих. Аромат хлеба из пекарни манил ранних путников, и в часы ожидания люди успевали обсудить свежие сплетни.

— Слышали, у хозяина булочной Брэнда появился новый друг.

— Тот красавчик, которого зовут так же, как хозяина лавки Брэнда?

— Он самый.

— Хлеб у него ужасный. Даже если вечером за медяк дают две буханки, я каждый раз заставляю себя туда идти.

— Да это мелочи. Говорят, прошлой ночью по улице Света прошёлся демон... — говоривший понизил голос, но соседи тут же пододвинулись ближе.

— Какой демон?

— И что этот пьянчужка натворил? — скука раннего утра требовала новостей, и эти подошли как нельзя лучше.

— Говорят, он проснулся на заре, весь в крови, а на стенах и полу — странные светящиеся знаки. Говорят, это призыв демонов из преисподней.

— О, Господи! Как страшно!

— Некоторые растолковали: это за его лень, подлость и злобу, за то, что он не следовал заветам Богоматери и истязал дарованного Богом ребёнка — он скоро попадёт в ад.

Слушатели затаили дыхание, мысленно сверяясь с собой, и бывшие улыбки сменились благочестивыми молитвами:

— Я-то всегда был трудолюбив...

— Говорят, он даже штаны от страха намочил.

— Приятель, не только штаны — даже тюрьма не хочет его принимать.

— О, бедняга. Даже в камере с соломой теплее, чем у него дома.

— А уж вина там точно не дадут.

Сплетни разносились по городу. А их виновник наслаждался завтраком и приветствовал вошедшего сухощавого управляющего:

— Давно не виделись, Фубинн.

Такой радушный приём и незабываемо красивое лицо заставили даже привыкшего к спокойствию старого дворецкого замереть на пороге. Он чуть не снял очки, чтобы протереть их — не привиделось ли?

— Стивен?! Ты как здесь?

— Дорогой Фубинн, твоя реакция — прелесть. — юноша за столом улыбался беззаботно. — Я приехал проведать друга. Ты не рад мне?

Характер ничуть не изменился за десять лет.

— О, нет, очень рад. — Фубинн наконец пришёл в себя. Встретить старого знакомого в Логе было поистине приятно.

— Вы пока поболтайте, а я проверю, не проснулся ли Альджер. — Желаящий, видя, что они налаживают контакт, поднялся вверх.

— Хорошо, хозяин. — почтительно отозвался Фубинн.

Когда Брэнд скрылся, Стивен оглядел старого друга, на лице которого уже появились морщины, но выглядел он бодрее, чем десять лет назад.

— Ты даже не спросишь, кто такой Альджер?

— Я знаю этого малыша. — Фубинн перевёл дух, снял шляпу и подошёл к нему. — Давно не виделись. Ты приехал на днях?

— Значит, ты бываешь здесь каждые несколько дней, — заметил Стивен, пододвигая ему стул.

Иначе откуда ему знать тамошних детей.

— Да, хозяин иногда приючает детей, а я забираю их и отвожу в приют. — Фубинн сел прямо, держа шляпу в руках, но, согретый теплом, всё же снял очки и протёр их.

— Что это у тебя? — Стивен сразу заинтересовался золотой оправой.

— Это очки. Помогают видеть то, что расплывается. — Фубинн протёр и снова водрузил на переносицу. — Так назвал хозяин.

— Можно примерить? — Стивен уже привык видеть у Брэнда что-то новое.

— Хозяин говорит, что людям с хорошим зрением носить их вредно — зрение портится. — сказал так Фубинн, но всё же снял очки и протянул ему.

Он смотрел, как юноша вертит их, примеривает — живой, яркий, словно картинка, — и тихо кашлянул:

— Ты тогда уехал из-за ссоры с хозяином?